

Сергей Ольговский

Новая литейная форма из Ольвии и ольвийская металлообработка позднеархаического времени

Keywords: mold, non-ferrous metalworking, bronze-casting workshop, animalistic style.

Cuvinte cheie: tipar, metalurgia metalelor colorate, metalurgist, atelier de prelucrare a bronzului, stil animalier.

Ключевые слова: литейная форма, цветная металлообработка, литейщик, бронзолитейная мастерская, звериный стиль.

Sergei Ol'govskii

The new mold from Olbia and Olbian metal-working of the late archaic period

The article deals with the finding of a mold in a dugout of the end of 6th century BC in P-25 excavation site in Olbia, in connection with which some aspects of organization of bronze casting craft in the Lower Bug region are being analyzed. The author concludes that there were visiting masters, people from the barbaric environment, who worked in Greek settlements of the region in archaic times. This is evidenced by a wide typological range of products, whose origin should be associated with the most remote regions – from the Western Black Sea coast to Siberia. It is also doubtful that the first Greek settlers, who aimed to settle in the new place, studied at once the demand of the local market and established the manufacturing of products necessary for the locals. In addition, there might not have been any steelmakers among the first settlers, since they had lost their connection to sources of raw materials when leaving for foreign lands.

Sergei Ol'govskii

Un nou tipar de turnat metal din Olbia și metalurgia olbiană din perioada arhaică târzie

În articol este examinat un tipar găsit într-o locuință adâncită de la sf. sec. VI a.Chr. în secțiunea R-25 de la Olbia. Pornind de la acest tipar, se analizează anumite nuanțe ale organizării meșteșugului metalurgiei bronzului în regiunea cursului inferior al Bugului. Autorul ajunge la concluzia, că în perioada arhaică în așezările grecești din zonă lucrau meșteri ambulanți, provenind din mediul barbar. Despre aceasta mărturisește spectrul tipologic larg al pieselor, originea cărora trebuie să fie legată de cele mai îndepărtate regiuni – de la țărmul de vest al Mării Negre până în Siberia. De asemenea este îndoielnic faptul că primii coloniști greci, în fața cărora stătea problema acomodării la locul nou, de îndată au studiat cererea de pe piața locală și au organizat producerea articolelor necesare populației locale. În afară de aceasta, printre primii colonizatori nu se puteau afla meșteșugarii metalurgiști, deoarece, plecând pe alte meleaguri, ei pierdeau legătura cu furnizorii de materie primă.

Сергей Ольговский

Новая литейная форма из Ольвии и ольвийская металлообработка позднеархаического времени

В статье рассматривается находка литейной формы в землянке конца VI в. до н.э. на раскопе P-25 в Ольвии, в связи с которой рассматриваются некоторые моменты организации бронзолитейного ремесла в Нижнем Побужье. Автор приходит к выводу, что в архаическое время на греческих поселениях региона работали заезжие мастера – выходцы из варварского окружения. Об этом свидетельствует широкий типологический спектр изделий, происхождение которых следует связывать с самыми отдаленными районами – от Западного Причерноморья до Сибири. Также сомнительно, что первые поселенцы, перед которыми стояла задача налаживания быта, сразу изучили спрос местного рынка и наладили изготовление варварских изделий для местного населения. Кроме того, среди первых поселенцев не могли находиться ремесленники металлургии, поскольку, уезжая в чужие земли, они утрачивали связь с источниками сырья.

Литейные формы из раскопок Ольвии уже неоднократно становились предметом специального изучения. Еще в 50-х гг. XX в. А.И. Фурманская составила первый свод этих артефактов, который насчитывал 73 изделия [Furmans'ka 1958, 40–60], что, естественно, выводило Ольвию на первое место в системе производственных центров, поскольку ни на одном памятнике скифо-античной эпохи та-

кого их количества на то время известно не было. А.И. Фурманская разделила литейные формы на хронологические группы, а также по типам отливаемых в них изделий и, проводя параллели с готовой продукцией, правильно оценила объем бронзолитейного ремесла в различные периоды истории Ольвии. Как оказалось, большинство ольвийских литейных форм датируются эллинистическим временем

и в целом, как отмечено в работе, в Ольвии больше остатков металлообработки именно этой эпохи [Furmans'ka 1963, 61].

За годы, прошедшие с момента выхода работы А.И. Фурманской, литейных форм было найдено немного. Н.А. Лейпунская опубликовала сведения о всего 10 литейных формах, обнаруженных в центральной части города. Однако все они относятся к эллинистическому или к римскому времени. В целом этот автор отмечает, что после выхода свода А.И. Фурманской увеличилось лишь количество эллинистических форм, несмотря на широкое исследование более ранних слоев [Leipuns'ka 1984, 73].

За последние десятилетия коллекция ольвийских форм пополнилась за счет находок на участке АГД в 1969, 1982 и 1988 гг. фрагментов литейных форм для отливки наконечников стрел, которые представляли собой бронзовые стержни, которые фиксировали створки форм, и формировали полость втулки стрелы. Все они, как и прочие литейные формы, не были связаны с конкретными мастерскими, но сопровождающим находки материалом надежно датировались VI в. до н.э. А третий из этих стержней был найден вместе с обломками тиглей, литниками и большим количеством бронзового шлака [Nazarov, Krutilov 2002, 38–40]. В этой же публикации авторы представляют бронзовую створку от литейной формы, найденную на раскопе Р-25 в 1995 г., в которой отливались наконечники стрел, по мнению авторов публикации, использовавшихся в V в. до н.э. [Nazarov, Krutilov 2002, 40]. Каждая такая новая находка литейных форм открывает новые перспективы в изучении ольвийской металлообработки.

В 2008 г. коллекция ольвийских литейных форм пополнилась еще одной находкой, обнаруженной в раскопе Р-25. Форма, по словам авторов одной из публикаций, изготовлена из красного шифера [Grechko, Krutilov 2010, 96]. Но при ближайшем рассмотрении материал можно определить как плотный песчаник. В форме отливались бляшки, оформленные в скифском зверином стиле (рис. 1). На первой из них изображен волк с поджатыми лапами и оскаленной мордой, а на второй – сопоставленные в геральдической схеме две орлиные головы с треугольными восковицами и круп-

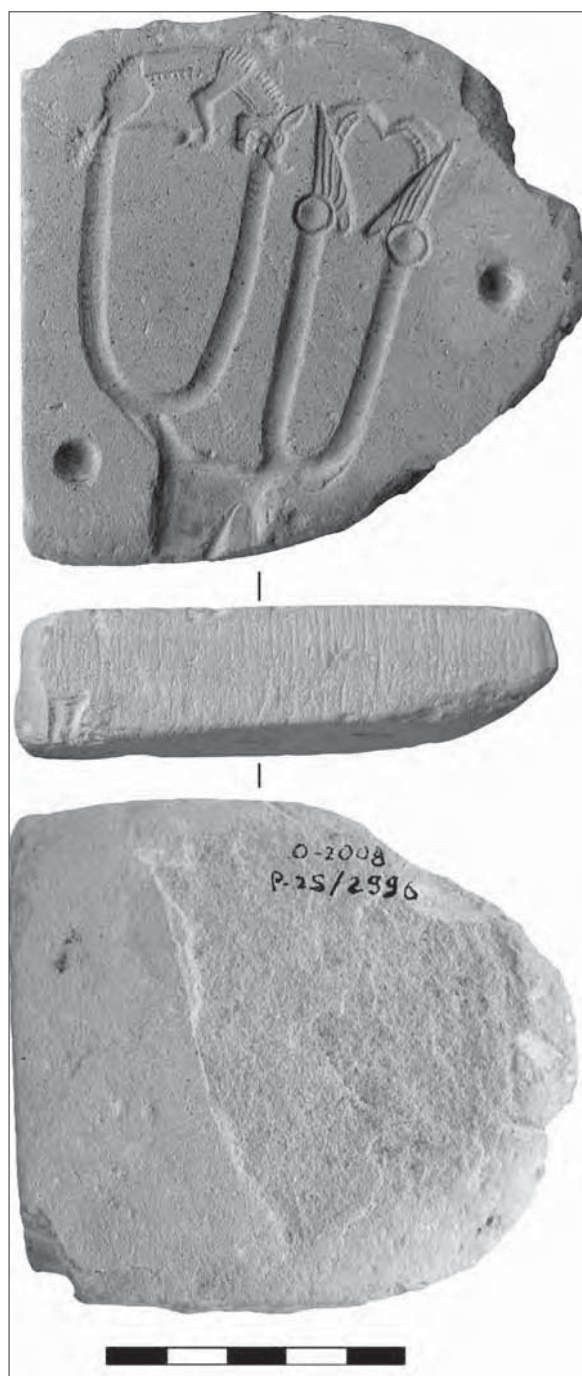

Рис. 1. Литейная форма из раскопа Р-25 (Ольвия).

Fig. 1. The mold of excavation P-25 (Olbia).

ными глазами. Обе головы соединены между собой концами клювов. К обоим негативным изображениям от общего литника ведут по два отдельных канала. На тщательно заглаженной рабочей поверхности имеются также два круглых углубления для штифтов, предназначенные для соединения двух створок и обе-

спечивающие совпадение негативов.

Подробному описанию этой литейной формы уже посвящено несколько публикаций. Д.С. Гречко и В.В. Крутилов, приведя исчерпывающее описание формы, вполне правомерно проводят аналогию с литейными формами, найденными на Березанском поселении в 1975 г. [Son 1987, 118–119], и в 1932 г. [Ostroverkhov 1996, 98–99], с той лишь разницей, что березанские формы изготовлены из алевролитового сланца (рис. 2). Кроме того, вторая березанская форма (рис. 3) отличается от ольвийской наличием трёхлепестковой пальметты в месте соединения орлиных клювов. С одной стороны, это свидетельствует, что отливаемое в форме изделие является одной бляшкой, а не спаренным негативом для серийной отливки. Но в то же время, комбинирование скифского звериного стиля с элементом греческого декоративного искусства не может не вызвать вопросов относительно этнической принадлежности хозяина формы и в определенной степени может использоваться сторонниками мнения о производстве ольвийскими мастерами изделий по заказу местного населения. Но можно привести достаточно примеров использования скифскими мастерами греческих декоративных элементов. Это котел из Раскопанной Могилы с пальметтами и букраниями, котел из кургана Чертомлык с меандровой линией и букранием. Кроме того, И.В. Фабрициус пишет об интересной находке золотой пластины на Шарповском городище, на которой проштампована схематичная голова быка с крупными рогами, что также является букранием. Там же были обнаружены лепные горшки местного изготовления с прорезанными меандровыми линиями и пальметтами [Fabritsius 1949, 96]. К тому же, пальметта на березанской форме выполнена небрежно и в ней нельзя усмотреть руку греческого мастера.

Д.С. Гречко и В.В. Крутилов пришли к вы-

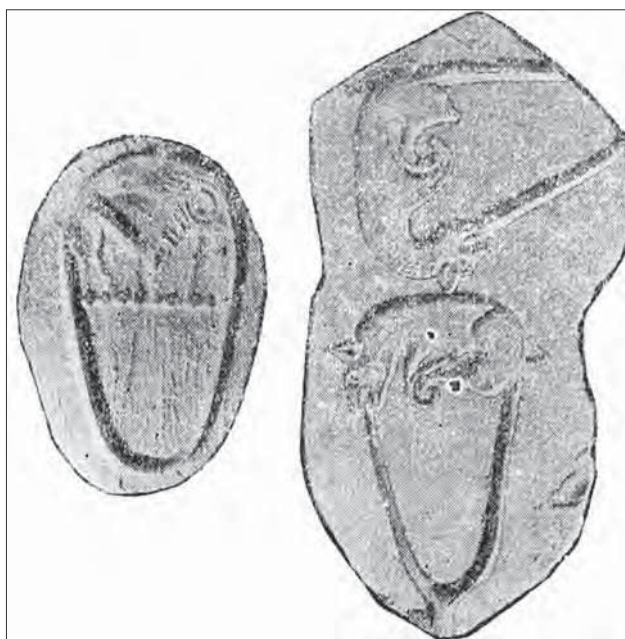

Рис. 2. Литейная форма с Березани (1975 г.).

Fig. 2. The mold from Berezan (1975).

воду, что отливаемые бляхи предназначались для украшения конской сбруи, а не являлись бутеролями ножен мечей и кинжалов, как считает А.С. Островерхов [Ostroverkhov 2005, 227]. Авторы публикации находят сходство бляшки в виде волка с изображениями животных на раннескифских зеркалах и предметах из известного комплекса в Зивийе и считают этот образ привнесенным в Северное Причерноморье скифами, вернувшимися из переднеазиатского похода [Grechko, Krutilov 2010, 97–98].

Условия находки описаны в статье В.В. Кра-

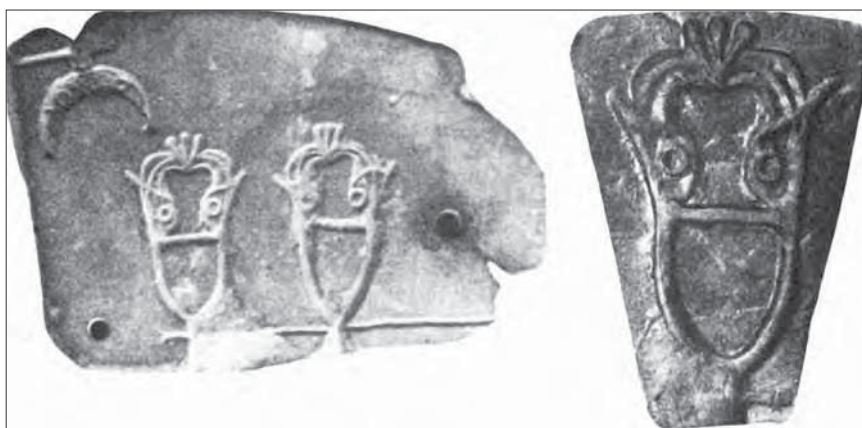

Рис. 3. Литейная форма с Березани (1932 г.).

Fig. 3. The mold from Berezan (1932).

пивиной и А.В. Буйских. Яма №1516 с материалом первых веков н.э., в которой была обнаружена форма, перерезала край землянки №1586, в центре которой было обнаружено сильно прогоревшее до красного цвета пятно круглой формы. Возможно, оно является остатками глиняного пода плавильной печи. Это позволяет расценивать данный объект как производственное помещение, где производилась плавка бронзы и изготовление из нее изделий в скифском зверином стиле [Krapivina, Buiskikh 2011, 205].

Позже А.В. Буйских посвятила публикацию анализу керамического материала из землянки, с которой, по-видимому, форма имела непосредственную связь, что дало автору возможность надежно датировать весь комплекс VI в. до н.э. [Buiskikh 2015, 112].

Таким образом, список металлообрабатывающих мастерских Ольвии пополнился еще одной мастерской, что позволяет выделить морфологические характеристики этих объектов и дать характеристику цветной металлообработке в этом полисе. Рассмотрим известные на сегодняшний день металлообрабатывающие мастерские в Ольвии.

Первая мастерская была открыта в 1929 г. на участке «И», в северной части Ольвийского городища, в квадрате, примыкающем к Главной улице [Meshchaninov 1931, 23–24]. Сообщение о ней весьма краткое и у нас нет возможности выделить какие-либо морфологические особенности мастерской или мастерских. Сколько было горнов, в помещении или вне помещения они были расположены, в каких из них обрабатывалось железо, а в каких медь, или производство было комбинированным, какие металлические изделия были обнаружены в мастерской (мастерских?). На эти вопросы автор заметки ответа не дает. Ничего не сказано и об инструментах, которые, как правило, в целом виде или в виде обломков являются характерными находками в мастерских.

К 50-м гг. XX в. в центральной части города, на участке «АГД», как утверждает Л.М. Славин [Slavin 1962, 10], были открыты остатки не менее трех мастерских, в которых обрабатывался металл. Одна из них имела вид трех подвальных помещений, функционировавших в различное время, соединенных между собой сводчатым подземным ходом. Л.М. Славин называет их по-

гребями и предполагает, что они были частью одного сооружения. Погреб №3 долгое время использовался для сброса в него отходов металлообрабатывающего производства. Во время раскопок в верхней части погреба (до глубины 1,40 м) были обнаружены в большом количестве куски медных шлаков, пережженные куски стенок горна, обломки тиглей с медными напльвами, куски древесного угля, а также полованные и бракованные медные изделия.

Как видим, никаких остатков самой мастерской обнаружено не было. А это должно было быть хотя бы основание бронзолитейной печи на полу помещения или на древнем горизонте дворовой площади, какой-либо сопровождающий материал – инструменты или их обломки, шлаки, производственный брак. В данном же случае все, что находилось в заполнении этих погребов, было обыкновенным мусором, связанным, впрочем, с литейным ремеслом. На вопрос, где же находилась мастерская, Л.М. Славин отвечает, что «к сожалению, это установить не удалось, но ясно одно, что находилась она где-то рядом, и в ее состав входил погреб №3» [Slavin 1962, 10]. Таким образом, отнесение этого комплекса к разряду металлообрабатывающих мастерских весьма проблематично. Следует отметить, что и в последующие годы ни одна из открытых на этом участке мастерских не имела непосредственной связи с этим погребом.

В ходе археологических работ 1982 г. в Верхнем городе была обнаружена еще одна яма, заполнение которой состояло также из отходов бронзолитейного производства. Вместе со шлаками, пережженными стенками горнов в этой яме были найдены монета-стрелка и дельфинчик, совместное обнаружение которых свидетельствует, что сброс производственных отходов производился довольно продолжительное время [Nazarov 1987, 112]. Однако никаких следов мастерской, которая имела бы непосредственное отношение к этой яме, так же как и в первом случае, обнаружено не было.

Остатки, как отмечает Л.М. Славин [Slavin 1962, 10], второй, а по существу первой центральногородской металлообрабатывающей мастерской конца VI в. до н.э., были открыты к югу от 2-й Поперечной улицы Верхнего города. Это был двор или внутреннее открытое

помещение, которое было местом литейного производства. Тут были найдены остатки нескольких горнов открытого типа. Пол помещения был глинобитным, но глиняная обмазка была положена непосредственно на древний горизонт, обожженный перед этим. В некоторых местах сохранились следы второго глинобитного пола, на более высоком, по сравнению с первым, уровне. Это свидетельствует, что мастерская перестраивалась, и два уровня относятся к различным периодам. Интересно, что плавильные печи находились во дворе, а не в помещении, что не может свидетельствовать о ее стационарности. В то же время плавильных печей несколько и располагались они на двух горизонтах, что свидетельствует о продолжительности и интенсивности производства.

К первому, раннему периоду существования мастерской, принадлежат два горна прямоугольной формы с толщиной стенок до 18 см. Судя по найденным в большом количестве медным и бронзовым изделиям, медным и железным шлакам, кускам угля и золы, эти горны использовались для литья бронзовых изделий и для нагревания железных криц. К сожалению, форма горнов не подлежит восстановлению.

К следующему строительному периоду относится один горн, сделанный также из сырца и прямоугольный в плане, размеры его 49×20×9 см. Интересно, что в этом горне имелись 24 вертикальных отверстия, которые использовались, как предполагает Л.М. Славин, для нагнетания воздуха. В восточной части помещения были обнаружены остатки еще одного, плохо сохранившегося горна. Вместе с остатками производственного характера в заполнении помещения отмечено большое количество костей животных и рыб, мелких обломков глиняной посуды, что позволяет предположить, как считает Л.М. Славин, что в последний период своего существования горны использовались, очевидно, как очаги для кухонных надобностей [Slavin 1962, 10–11], что недопустимо для специализированной мастерской. Но если предположить, что это помещение могло сдаваться в аренду заезжим мастерам, то наличие хозяйственных остатков находит более логичное объяснение.

Остается сказать, что в самом помещении и на площади, прилегающей к нему, было обнаружено значительное количество мусорных ям

чашевидной формы, диаметром около 1 м, глубиной около 0,25 м с производственными отходами и шлаками. Но никаких инструментов или производственных остатков около самих печей обнаружено не было.

Остатки еще одной металлообрабатывающей мастерской были обнаружены в западной части Главной улицы, где удалось открыть фрагменты горна и многочисленные остатки литейного производства [Slavin 1962, 11].

Таким образом, из названных Л.М. Славиным объектов, со всей определенностью можно говорить лишь о двух металлообрабатывающих мастерских в центре города конца VI – начала V в. до н.э., одна из которых функционировала в течение двух строительных периодов. Погреб со специфическим заполнением, впрочем, свидетельствует о наличии большого количества мастерских, но ничего конкретного о них мы сказать не можем. Возможно, на их месте были построены новые дома, а все, что было связано с металлообрабатывающим производством, строители сбросили в погреб №3.

Расположение металлообрабатывающих мастерских в центральной части города, непосредственно на территории агоры, дало основание Л.М. Славину говорить, если не о ведущей, то, по крайней мере, о большой роли металлообработки в экономике города [Slavin 1962, 11].

Остатки же четвертой металлообрабатывающей мастерской, интересующего нас времени, были обнаружены в ходе археологических работ 1961–1970 гг. в квартале «Б» ольвийской агоры, в помещении «А». Помещением оно названо условно, поскольку небольшая высота каменной кладки позволяет установить только общий план строения и затруднительно определить, какая часть была жилой, а какая – внутренним двором. От горна сохранился мощный слой пачины, золы и мелкого угля, свидетельствующий о том, что пламя было продолжительным, и температура достигалась очень высокая. Выявлено значительное количество мелких бесформенных кусков железа, меди и бронзы, железная крица весом 2 кг, много шлака и других отходов металлообрабатывающего производства. Найдены также железные гвозди и бронзовые наконечники стрел, несколько свинцовых пластинок. Сохранившихся остатков производственного помещения обнару-

жить не удалось и, вероятнее всего, это была мастерская открытого типа, расположенная за границами строения или двора. Поэтому с этой мастерской, по всей видимости, следует связывать найденные на территории расположенных рядом квадратов, примерно на той же глубине, вне помещений фрагменты тигля и литейной формы [Slavin 1975, 27–28].

Как видим, эта мастерская имела логически завершенный вид. Хотя границы ее точно не определены, в наличии есть плавильная печь, производственный мусор, утерянная мелкая продукция, что естественно, когда пол вокруг горна покрыт шлаком и углем. Работал здесь мастер-универсал, поскольку и медь, и железо обрабатывались в одной мастерской, а сама мастерская была стационарной. Но, опять же, никаких инструментов, кроме обломка тигля и фрагмента литейной формы, обнаруженных за пределами мастерской, найдено не было.

Итак, к настоящему времени, вместе с мастерской на раскопе Р-25, можно говорить о пяти производственных комплексах конца VI в. до н.э., которые размещались в центре города.

Иногда авторы отчетов помещениями называют замкнутые античные дворы, как это сделано по отношению к последней мастерской. В данном же случае мы имеем в виду, что металлургический горн находился именно во дворе, то есть, мастерская была открытого типа. Это весьма существенная деталь, так как ее можно было бы назвать одной из характерных черт античной металлообработки в северопричерноморских полисах. Однако сравнение ольвийских центральногородских мастерских с мастерскими, например, некоторых боспорских городов не позволяет сделать это.

Так И.Д. Марченко пишет о мастерской, обнаруженной в доме VI в. до н.э. на восточном эспладном раскопе Пантикапея, где производилась плавка бронзы. Печь находилась на вымостке из обломков амфор и представляла собой металлический резервуар, вероятнее всего, котел с крышкой, укрепленный на кольцевом глиняном основании, внутри которого располагалась топка [Marchenko 1957, 162]. О других морфологических особенностях печи в публикации ничего не сказано, но далее И.Д. Марченко соглашается с Р.В. Шмидт, что подобную конструкцию

имела печь, изображенная на чернофигурной вазе из Орвието и на берлинской чаше, которые были опубликованы еще в XIX в. Х. Блюмнером [Blumner 1887, fig. 50, 51]. Ни в Нижнем Побужье, ни в Скифской лесостепи такая конструкция металлургической печи неизвестна

Важным является и то, что в мастерской имел место специфический культурный слой, содержащий следы металлургического производства – шлаки, а также железные штампы, глиняный тигель с крышкой и обломки литейных форм [Marchenko 1957, 164]. Одна из форм, в которой отливались изделия в виде кошачьего хищника, иногда использовалась для подтверждения отливки на Боспоре изделий в скифском зверином стиле. Но следует согласиться с М.Ю. Трейстером, что ближайшей аналогией пантикапейской форме являются изображения на бутероли мельгуновского меча и на торце секиры из Келермесского кургана. С точки зрения стиля, вопреки утверждениям И.Д. Марченко, В.Д. Блаватского, Э.Я. Яковенко, она не имеет отношения к собственно звериному стилю, а находит ближайшие параллели в архаической вазописи и мелкой пластике [Treister 1988, 131]. То есть, мастерская, найденная в 1957 году, принадлежала греческому мастеру, который производил вещи в греческом стиле, не рассчитанные специально на местных кочевников.

В Фанагории в 1979 г. на раскопе «Верхний город», расположенном в центральной части городища, также была исследована бронзолитейная мастерская с весьма интересным материалом. В.С. Долгоруков анализирует лишь один фрагмент литейной формы, не заостряя внимания на конструкции печи, однако из публикации можно извлечь немало важной информации. Печь находилась в 4 метрах от помещения, на полу было сделано углубление в виде спуска, ведущего к устью печи, в котором был обнаружен фрагмент литейной формы, где отливалась нижняя часть ноги от статуи размером в натуральный человеческий рост [Dolgorukov 1986, 146].

Проводя параллели с известными находками аналогичных обломков литейных форм в Олимпии и Афинах, В.С. Долгоруков пришел к выводу, что литье статуи производилось по восковой модели. В самой печи были обнару-

жены мелкие фрагменты глиняной литейной формы и куски бронзового шлака, там же зафиксирован фрагмент большого глиняного тигля, диаметром 0,20 м [Dolgorukov 1986, 147]. Непосредственно на ступеньках лестницы, ведущей в помещение, найдены также мелкие фрагменты литейной формы, аналогичные найденным в печи и спуске к ней. Весь комплекс датируется концом VI – первой третью V в. до н.э. [Dolgorukov 1986, 148, 149].

Совершенно очевидно, что эта мастерская принадлежала также греческому мастеру. На это указывает характер продукции – большие бронзовые статуи, специфика изготовления которых не позволяла располагать мастерскую в закрытом помещении. Характер заполнения культурного слоя в помещении, расположенном в непосредственной близости от металлургической печи, позволил В.С. Долгорукову предположить, что оно принадлежало мастеру-литейщику, который почти всю свою жизнь прожил в Фанагории. Он мог принадлежать ко второму поколению основателей города или же переселился в Фанагорию несколько позже ее основания [Dolgorukov 1986, 149]. Далее В.С. Долгоруков приводит информацию о том, что в 1872 году И.Е. Забелин рядом с участком «Верхний город» открыл фундамент строения из больших, тщательно отесанных известняковых блоков, которые лежали на материковом слое и определены как остатки храма. В этом храме, по мнению В.С. Долгорукова, и должна была стоять статуя, отлитая в обнаруженной мастерской [Dolgorukov 1986, 148]. Кстати, погибло помещение в результате сильного пожара, связанного, вероятно, с деятельностью металлургической печи.

Очень короткую, но емкую по содержанию информацию представляет Н.А. Онайко о бронзолитейной мастерской в греческом поселении Торик в Северо-Восточном Причерноморье, от которого сохранились развалины одного большого строения. Остальная часть поселения была уничтожена абразией моря. Керамический комплекс позволил надежно датировать этот памятник VI в. до н.э. [Onaiko 1976, 82]. В одном из помещений в юго-западной части этого строения находилась большая разрушенная печь, около которой были собраны многочисленные куски медных шлаков и

руды. К производимой здесь продукции относятся медные гвозди, а так же двухлопастные и трехлопастные наконечники стрел. Медные стержни, которые относят к продукции местных литейщиков, скорее всего, были товарными заготовками [Onaiko 1976, 82–83].

Никакой подобной информации ольвийские мастерские предоставить нам не могут. Мы не имеем представления о хронологических рамках деятельности этих мастерских, не можем ничего сказать о характере их продукции, а, следовательно, и об этнической принадлежности их владельцев. В лучшем случае, они датируются по материалу, залегающему на одном уровне с остатками печей на довольно большой площади.

Размещение ремесленных мастерских в центре города, на агоре было характерно и для городов греческой метрополии. Одновременно эти мастерские были и торговыми лавками-эргастериями, в которых торговали изделиями, изготовленными на месте [Shmidt 1935, 339]. Такая же организация, по мнению А.И. Фурманской, была и в Ольвии [Furmans'ka 1963, 62]. И это, тем более, закономерно, если в городе работали заезжие мастера, которые могли продавать только что изготовленную продукцию.

По крайней мере, в трех из этих мастерских (о мастерской открытой в 1929 г. мы ничего конкретного сказать не можем), обрабатывалось и железо, и цветные металлы. Только мастерская, исследованная в период после 1961 г. и, по всей видимости, последняя, были постоянными. Удивляет также то, что наряду с многочисленными производственными отходами и готовыми изделиями в этих мастерских не обнаружено никаких инструментов литейщика или кузнеца. В целом из раскопок Ольвии известны лишь одни кузнечные щипцы более позднего времени. При высокой оценке бронзолитейного ремесла Ольвии в архаический период этот факт выглядит довольно странным. В боспорских мастерских известны, по крайней мере, пробойники и зубила. Весьма широкий ассортимент инструментов и в мастерских на скифских городищах. А на Бельском городище были найдены такие уникальные инструменты, как напильник и ножовка.

Не может не обратить на себя внимание и

ассортимент продукции литейщиков из Нижнего Побужья. Это в основном наконечники стрел и украшения, часто оформленные в зверином стиле с соблюдением иконографических традиций местных мастеров. При этом очень сомнительно, что первые греческие колонисты специально изучали номенклатуру местного рынка, чтобы обеспечивать варваров своей продукцией, выполненной с соблюдением их вкусов. Нельзя не согласиться с В.М. Скудной, которая отмечала, что «ни один греческий мастер, как бы он не стремился подражать скифскому стилю, не смог бы полностью перенять те особые характерные черты в исполнении животных, которые мы видим на скифских изделиях, в частности на зеркалах» [Skudnova 1962, 23]. Мы неоднократно говорили о более высоком уровне бронзолитейного ремесла на скифских памятниках, и скифские мастера вполне могли обеспечить своих соплеменников разнообразными украшениями. Кроме того, разительное отличие в манере изображения животных в архаическое и раннеэллинистическое время, когда жизнь на лесостепных скифских поселениях затухает, позволяет говорить, что именно греческие мастера были авторами шедевров торевтики IV в. до н.э. – чертомлыцкой вазы, украшений из Куль-Обы, пекторали из Толстой Могилы и многих других. Впрочем, производство этих вещей, скорее всего, следует связывать с металлообработкой на Боспоре, а не в Нижнем Побужье.

Следует отметить чрезвычайно широкий типологический диапазон изделий из цветных металлов в ранних слоях Березани и Ягорлыцкого поселения. Бронзовые украшения, например, находят себе яркие аналогии на Северном Кавказе, в Балкано-Карпатском бассейне, лесостепном Поднепровье и даже далеко на востоке. Объяснить это обстоятельство сразу установившейся «модой» на варварские украшения из этих далеких регионов нельзя, поскольку колонисты, как известно, придерживались традиций метрополии на протяжении всего времени существования греческих полисов.

Единственный вывод, который можно сделать из вышеперечисленного, следующий: на Березанском поселении работали заезжие мастера, следы деятельности которых и не должны были сохраниться, так как работали

они с горнами временными, возможно открытого типа, не утруждая себя строительством стационарных горнов сложной конструкции, или устройством производственных помещений. А уезжая, они забирали с собой все свои инструменты, оставляя, возможно, только то, что пришло в негодность, например, обломки литейных форм, не поддающиеся восстановлению. Поэтому основная масса производственных отходов в виде шлаков, слитков, литников и пр. обнаружена на уровне древнего горизонта, но вне помещений, или в заполнении ям и пришедших в негодность землянок.

Некоторый спад производственной активности на Березани и прекращение жизни на Ягорлыцком поселении исследователи связывают с возникновением Ольвии, которая сразу стала развитым ремесленным центром, с которым Березанское и Ягорлыцкое поселения не могли выдержать конкуренции [Ostroverkhov 1978, 17]. Однако, более вероятно, что с основанием греческих колоний в Северном Причерноморье у бродячих мастеров появилась возможность производить и продавать свою продукцию непосредственно в месте проживания покупателей, что было, несомненно, намного удобнее, чем каждый год выезжать на сезонное торжище. Этим можно объяснить и наличие варварских украшений на Березанском поселении. А отсутствие производственных комплексов литейщиков при обилии отходов производства доказывает возможность деятельности здесь именно бродячих мастеров, которые работали с горнами открытого типа, располагавшимися вне помещений, а возможно, и на открытой площади, например, на рынке, как это еще недавно происходило на ярмарках, а сейчас – на этнографических фестивалях. В VI в. до н.э. таким удобным местом становится Ольвия, где можно было арендовать на длительный срок помещение, и откуда можно было выезжать на поселения хоры. О временной деятельности литейщиков вблизи Ольвии свидетельствуют изношенные литейные формы, без каких-либо следов мастерских или отдельных горнов.

Можно также поставить под сомнение и наличие собственно греческих литейщиков в составе первых колонистов. Если вспомнить причины Великой греческой колонизации, то

основным мотивом для покидания родины были неплодородные земли, обезземеливание крестьян, кризис рабовладельческой системы. То есть, первые колонисты были людьми бедными и на новом месте они жили в нужде, перед ними стояли задачи налаживания быта, а не изучения спроса варварского окружения. Ремесленник же, да еще литейщик, был человеком зажиточным и уважаемым. Думается, что и община была бы против его отъезда. Кроме того, специфика металлообрабатывающего ре-

месла требовала поддержания постоянных контактов с источниками сырья, чего мастер сразу лишился на чужбине. Поэтому и приведенные литейные формы следует связывать с варварскими ремесленниками, временно работавшими на Березани и в Ольвии. Думается, что греческое колониальное ремесло могло появиться только после налаживания жизни, о чем свидетельствует начало каменного строительства, что сопровождалось новой волной колонизации.

Библиография

- Blümner 1887:** H. Blümner, *Tehnologie und Terminologie der Gewerbe und Künste bei Griechen und Römern* IV, 1887.
- Buiskikh 2015:** A.V. Buiskikh, *O datirovke bronzoliteinoi masterskoi v iuzhnoi chasti Ol'vii* // *Arkheologija i davnja istorija Ukraïni* 1 (14) (Київ 2015), 93–112 // А.В. Буйских. О датировке бронзолитейной мастерской в южной части Ольвии. *Археологія і давня історія України* 1 (14) (Київ 2015), 93–112.
- Grechko, Krutilov 2010:** D.S. Grechko, V.V. Krutilov, *Novaia liteinaia forma iz Ol'vii* // *Bosporskie chteniia XI (Kerch' 2010)*, 96–101 // Д.С. Гречко, В.В. Крутилов. Новая литейная форма из Ольвии // *Боспорские чтения XI (Керчь 2010)*, 96–101.
- Dolgorukov 1986:** V.S. Dolgorukov, *Liteinaia forma iz Fanagorii*. In: (ed. G.A. Koshelenko) *Problemy antichnoi kul'tury* (Moskva 1986), 145–149 // В.С. Долгоруков. Литейная форма из Фанагории. В сб.: (отв. ред. Г.А. Кошеленко) *Проблемы античной культуры* (Москва 1986), 145–149.
- Krapivina, Buiskikh 2011:** V.V. Krapivina, A.V. Buiskikh, *Novyi proizvodstvennyi kompleks pozdnearkhaicheskogo vremeni iz Ol'vii*. *Bosporskie chteniia XII (Kerch' 2011)*, 204–208 // В.В. Крапивина, А.В. Буйских. Новый производственный комплекс позднеархаического времени из Ольвии. *Боспорские чтения XII (Керчь 2011)*, 204–208.
- Leipuns'ka 1984:** N.O. Leipuns'ka, *Livarni formi z rozkopok Ol'vii*. *Arkheologija* 45, 1984, 68–75 // Н.О. Лейпунська. Ливарні форми з розкопок Ольвії. *Археологія* 45, 1984, 68–75.
- Marchenko 1957:** I.D. Marchenko, *Materialy po metalloobrabotke i metallurgii Pantikapeia* // *MIA* 56, 1957, 160–173 // И.Д. Марченко. Материалы по металлообработке и металлургии Пантикапея. *МИА* 56, 1957, 160–173.
- Meshchaninov 1931:** I.I. Meshchaninov, *Otchet o rabotakh Ol'viiskoi ekspeditsii*. *Soobshcheniia gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury* 2, 1931, 23–24 // М.И. Мещанинов. Отчет о работах Ольвийской экспедиции. *Сообщения государственной Академии истории материальной культуры* 2, 1931, 23–24.
- Nazarov 1987:** V.V. Nazarov, *Novye dannye o bronzoliteinom remesle Ol'vii*. In: (ed. S.D. Kryzhitskii) *Aktual'nye problemy istoriko-arkheologicheskikh issledovanii* (Kiev 1987), 112 // В.В. Назаров. Новые данные о бронзолитейном ремесле Ольвии. В сб.: (отв. ред. С.Д. Крыжицкий) *Актуальные проблемы историко-археологических исследований* (Киев 1987), 112.
- Nazarov, Krutilov 2002:** V.V. Nazarov, V.V. Krutilov, *O proizvodstve bronzovykh nakonechnikov strel v Ol'vii*. In: (ed. S.D. Kryzhitskii) *Severnoe Prichernomor'e v antichnoe vremia* (Kiev 2002), 38–44 // В.В. Назаров, В.В. Крутилов. О производстве бронзовых наконечников стрел в Ольвии. В сб.: (отв. ред. С.Д. Крыжицкий) *Северное Причерноморье в античное время* (Киев 2002), 38–44.
- Onaiko 1976:** N.O. Onaiko, *Rozkopki Torika*. *Arkheologija* 20, 1976, 80–88 // Н.О. Онайко. Розкопки Торика. *Археологія* 20, 1976, 80–88.
- Ostroverkhov 1978:** A.S. Ostroverkhov, *Ekonomicheskie sviazi Ol'vii, Berezani i Iagorlytskogo poseleniia so Skifiei (VII – seredina V vv. do n.e.)*. *Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk*, 1978, 23 // А.С. Островерхов. Экономические связи Ольвии, Березани и Ягорлыцкого поселения со Скифией (VII – середина V в. до н. э.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук, 1978, 23.

- Ostroverkhov 1996:** A.S. Ostroverkhov, Zverinyi stil' i antichnye goroda Severnogo Prichernomor'ia. VDI 2, 1996, 88–102 // А.С. Островерхов. Звериный стиль и античные города Северного Причерноморья. ВДИ 2, 1996, 88–102.
- Skudnova 1962:** V.M. Skudnova, Skifskie zerkala iz arkhaiskogo nekropolia Ol'vii. Trudy Gosudarstvennogo Ermitaja VII, 1962, 5–27 // В.М. Скуднова. Скифские зеркала из архаического некрополя Ольвии. Труды Государственного Эрмитажа VII, 1962, 5–27.
- Slavin 1962:** L.M. Slavin, Ol'viis'ki kvartali tsentral'noi chastini Verkh'nogo mista. Arkheologichni pam'iatki URSR XI, 1962, 3–32 // Л.М. Славин. Ольвийські квартали центральної частини Верхнього міста. Археологічні пам'ятки УРСР XI, 1962, 3–32.
- Slavin 1975:** L.M. Slavin, Kvartaly v raione ol'viiskoi agory (raskopki 1961–1970 gg.). In: (ed. S.D. Kryzhitskii) Ol'viia (Kiev 1975), 5–50 // Л.М. Славин. Кварталы в районе ольвийской агоры (раскопки 1961–1970 гг.). В сб.: (отв. ред. С.Д. Крыжицкий) Ольвия (Киев 1975), 5–50.
- Son 1987:** N.A. Son, Remeslennoe proizvodstvo. In: (ed. S.D. Kryzhitskii) Kul'tura naseleniia Ol'vii i ee okrug v arkhaiskoe vremia (Kiev 1987), 118–125 // Н.А. Сон. Ремесленное производство. В сб.: (отв. ред. С.Д. Крыжицкий). Культура населения Ольвии и ее округа в архаическое время (Киев 1987), 118–125.
- Treister 1998:** M.Iu. Treister, Ioniiskie remeslenniki – skifam. VDI 4, 1998, 130–141 // М.Ю. Трейстер. Ионийские ремесленники – скифам. ВДИ 4, 1998, 130–141.
- Fabritsius 1949:** I.V. Fabritsius, Tiasmins'ka ekspeditsiia. Arkheologichni pam'iatki URSR 2, 1949, 80–111 // I.V. Фабрициус, Тясминська експедиція. Археологічні пам'ятки УРСР 2, 1949, 80–111.
- Furmans'ka 1958:** A.I. Furmans'ka, Livarni formi z rozkopok Ol'vii. Arkheologichni pam'iatki URSR VII, 1958, 40–60 // А.І. Фурманська. Ливарні форми з розкопок Ольвії. Археологічні пам'ятки УРСР VII, 1958, 40–60.
- Furmans'ka 1963:** A.I. Furmans'ka, Bronzolivarne remeslo Ol'vii. Arkheologiiia XV, 1963, 61–70 // А.І. Фурманська. Бронзоліварне ремесло Ольвії. Археологія XV, 1963, 61–70.
- Shmidt 1935:** R.V. Schmidt, Ocherki po istorii gornogo dela i metalloobrabatyvaiushchego proizvodstva v antichnoi Gretsii // Izvestiia Rossiiskoi akademii material'noi kul'tury 108, 1935, 222–242 // Р.В. Шмидт. Очерки по истории горного дела и металлообрабатывающего производства в античной Греции // Известия Российской академии истории материальной культуры 108, 1935, 222–242.

Сергей Ольговский, профессор Киевского национального университета культуры и искусств, кандидат исторических наук; e-mail: olgovskiy@online.ua